

Век. клуб - 1998 - 14 нояб. - с. 11

СВЯТАЯ И ГРЕШНАЯ

Такой была очаровавшая поэта Анна Петровна Керн

Восставшая против мужа

Вспомним строки из письма Пушкина Анне Керн летом 1825 года, в пору его страстной влюбленности: «Вы уверяете, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? Очень он мне нужен — разве у хороших женщин должен быть характер? Главное — это глаза, зубы, ручки и ножки...»

А характер у этой хорошенькой женщины был — да еще какой характер! Жизнь ее была причудливо сплетена из парадоксов, из взлетов и падений, судьба то смеялась над ней, то одаривала огромным счастьем.

В неполных 17 лет ее, мечтательную провинциалку, насильно выдали замуж за 52-летнего генерала — солдафона Ермолая Федоровича Керна. Потрашение от этого замужества было настолько сильным, что даже в глубокой старости Анна Петровна не могла забыть обиды на родителей, исковеркавших ее молодость.

А в 18 лет ее серые провинциальные будни озарила улыбка Его Императорского Величества. На балу в Полтаве, имевшем место по случаю смотра тамошних войск, Анну представили Александру I, и император, очарованный красотой молодой гениальной, танцевал и лобезничал с ней и пригласил приехать к нему в Петербург. На что Анна простолюдно отвечала: «Лучше вы приезжайте в Лубны! Лубны — это такая прелесть!» Император, плененный ее забавной наивностью, отвечал со смехом: «Приеду, непременно приеду!»

Приехала все-таки она. В тот первый приезд в Петербург в доме родственников Олениных ей представили 19-летнего Пушкина. Плененный ее красотой, он был неистовым на комплименты. Однако Анна его едва приметилла, поскольку во все глаза смотрела на прославленного баснописца Ивана Андреевича Крылова. Встретиться снова им довелось только спустя пять лет в Тригорском, имении Прасковьи Александровны Вульф-Осиповой.

Пролетевшие годы произвели большие перемены в их судьбах. Опальный Пушкин, успев пожить в Кишиневе и Одессе, довершал теперь ссылку в Михайловском. Великолепные поэмы и стихи вывели его в первый ряд российских поэтов. А как складывалась жизнь Анны? В 1823 году генерала Керна повысили в должности — назначили командантом в Ригу. И тут покорная лодка Анна Петровна вдруг восстала и отказалась последовать за мужем. Она благопристойно вернулась в Лубны, под родительский кров. Даже у строгих ревнителей нравственности не повернулся бы язык осуждать молодую женщину, которая, оставив 60-летнего супруга, обрекла себя на одиночество в сельской глуши.

Но не дремлет бес-искуситель, ох, не дремлет! Он явился перед невинной Анной (как Сатана перед святой Марией в «Аврелии») в образе соседа по имени Аркадия Гавриловича Родзянко — автора фривольных стихов, приятеля Алек-

сандра Пушкина по Петербургу.

Анна Керн была в дружеской переписке со своей тригорской кузиной Анной Вульф и в письмах к ней восхищалась пушкинскими стихами и поэмами, что становилось известно поэту и льстило его самолюбию. От нее узнал Пушкин и о сближении Родзянко с Керн и поспешил завязать с ним переписку. И с явной завистью поздравлял удачливого приятеля: «Зная твою влюбчивость и необыкновенные таланты во всех отношениях, полагаю дело твоё сделанным или полусделанным».

Тут он попал в точку. Анна Петровна могла наконец почувствовать себя красивой женщиной, которой поклоняются, которой жаждут обладать и которая, оказывается, сама способна на пылкую страсть, таившуюся под личиной благочестивой супруги.

Да, в Тригорском перед Александром Пушкиным предстала совсем иная Анна. Он увидел уверенную в себе молодую женщину в расцвете красоты. И оробел... Целый месяц томился вокруг да около, даже не пытаясь добиться свидания.

А вот Анна Керн почувствовала себя в Тригорском счастливой. С восторгом слушала она Пушкина, когда однажды он явился с большой черной тетрадкой и, собрав в кружок обитателей Тригорского, прочитал им поэму «Цыгань».

«Я была в упоении как от текущих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаяла от наслаждения», — вспоминала позже Анна Керн.

Неутоленная страсть

А Пушкин жаждал другого наслаждения, но так и не отважился на решительные шаги. И только в минуту прощания вырвалось из его распахнувшегося сердца потрясающее по чистоте и искренности признание: «...И сердце бьется в упоенье, и для него воскресли вновь и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь!» Но не в смелых речах объяснения, а на скромном почтовом листке, запрятанном в неразрезанных страницах первой главы «Евгения Онегина», которую он подарил Керн.

Анна Петровна с тетушкой Прасковьей Александровной и двоюродной сестрой Анной уехала в Ригу мириться с постылым Ермолаем Федоровичем, а Пушкин остался с бешеной неутоленной страстью. И теперь вдруг осмелел. Он забрасывает Анну пространными письмами — тут и признания, и упреки, и ревность, и мольба — одним словом, все радости и муки неразрешенной любви.

Однажды Пушкин и Алексей Вульф четыре часа проговорили об Анне Керн, по словам поэта, их объединило средство чувств. Да, но счастливцев Алексей вскоре после этого тоже отправился в Ригу, а Александр его вояж подбросил лишь для ревности. Пушкин безрассудно умоляет Анну Петровну о встрече — пусть она под любым предлогом приезжает если не в Тригорское, то хотя бы во Псков. Он откровенно жаждет обладания.

В начале октября она действитель-

но на несколько дней явилась в Тригорское. Но, увы, не одна, а с мужем. Пушкин с ним познакомился и даже подружился (в полном согласии со своей методой с почтенным относиться к мужьям хорошеньких женщин).

Из Тригорского супруги Керн вернулись в Ригу, откуда Анна пролила бальзам на душу поэта, прислав ему последнее издание Байрона. Пушкин от всей души благодарил ее, притворно удивлялся, что она его еще помнит, писал еще всякие разности. А потом его внезапно прорвало: «Снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я по-прежнему люблю вас, что иногда вас ненавижу...» Значит, любовь еще угала не совсем.

Может быть, поэтому Анна Петровна, решительно и бесповоротно оставив мужа (даже беременность ее не остановила) и перебравшись в начале 1826 года в Петербург, на первых порах остановилась у родителей поэта, с которыми до этого, кажется, не была даже знакома.

И очень скоро очаровала все семейство. Сергея Львовича — как пылкого поклонника женской красоты. Надежду Осиповну — умением и готовностью сопереживать и быть полезной. Левушке быстро вскружила голову, несмотря на свой растущий живот. А для Ольги стала самой задушевной подружкой. И когда в июле 1826 года разродилась третьей дочерью, назвала ее Ольгой — в честь Ольги Сергеевны.

Александр Сергеевич Анну Керн не забывал. В мае 1826 года Пушкин вопрошает пребывающего в Дерпте Алексея Вульфа, что делает «вавилонская блудница» Анна Петровна. Вряд ли Александр Сергеевич предполагал достаточной информацией, чтобы величать Анну Петровну вавилонской блудницей. Скорее, это было сказано с досады, поскольку ему так и не удалось добиться близости с нею, а вот какому-то Болтину, по слухам, повезло. Пушкин, безусловно, был увлечен. И при последующей встрече с Анной Петровной это ей припомнится...

Но пора наконец поговорить о ее внешности. Предоставим слово Никитенко: «То было лицо женщины поразительной красоты. Но меня более всего привлекала в ней трогательная томность в выражении глаз, улыбки, в звуках голоса». И сама Анна Петровна признавалась, что мужчины беспрестанно расточают лесть ее красоте, ее чести, то божественному, чему-то неизъяснимо в ней прекрасному.

Однако потомкам в этом смысле не повезло. На единственном ее портрете (вы видите его на репродукции) изображена молодая женщина с довольно вялыми чертами лица и выражением скорее горьким, чем томным, — одним словом, ничего божественного. Так что остается поверить на слово современникам, что она в молодости и даже в зрелые годы была неотразима хороша.

Вот и вся любовь

И вот они вновь встретились в Петербурге — Пушкин и Анна Керн. И он, и она были в это время совершенно свободны. Казалось бы, наконец-то явилась желанная возможность броситься друг другу в объятия. Ан нет! Пушкин пробыл в Петербурге все лето, нередко виделся с Анной Петровной — не только у своих родителей, у Дельвигов, но и захаживал к ней на квартиру. И ничего не произошло. Можно, конечно, возразить, что жила она не одна, а с отцом и сестрой. Но, извините, у нее была своя комната. И несколько позже этой ситуации прекрасно воспользовалась ее кузина Алексей Вульф. Более того, он завоевал одновременно благосклонность обеих сестер — наслаждался интимной близостью с Анной и доводил до последней черты Лизу, когда она была уверена, что уже отдалась, а он считал, что Рубикон все-таки не перейден.

27 января 1828 года Пушкин и Керн стали участниками свадьбы сестры поэта Ольги Сергеевны и госпожи Павлищева. Как вспоминала Анна Керн, в лютый зимний день ехали они с Пушкиным в карете, и она заметила, что, кажется, им впервые довелось оказаться наедине... Наедине им пришлось и довольно долго дожидаться новобрачных.

А в февралье Александр Пушкин в письме московскому другу Сергею Соболевскому сообщил дословно следующее: «Безалаберный! Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о мадам Керн, которую с помощью божией я на лях у...» Закончивается фраза смачным словом, которое трудно отгадать.

Вот так — вначале о деньгах, потом как бы между прочим и совершенно в духе «цинического волокит-

Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты.

А. П. Керн. Рис. А. С. Пушкина. 1829 г.

елью) — достигнутой наконец-то окончательной победы над Анной Петровной. Какая уж тут любовь — все в прошлом.

«На честь утратила право»

А что же Анна Петровна? Она вскоре сошлась с перебравшимся в Петербург Алексеем Вульфом и весь 1828 год и годы последующие предавалась с ним радостям любви. И это не помешало ей, когда к Дельвигу приехал его племянник 19-летний Александр и 16-летний Андрей, тут же увлечься симпатичным юношей Александром. А Алексей продолжал сожигать любовь с ней и в то же время соблазнил молоденькую жену Дельвига Софью. Бывало так, что в одной комнате интимничали Анна Петровна с Александром, а в соседней Алексей доводил до белого каления Софью по своей методке: еще немного, еще чуть-чуть, и лама будет наверху блаженства, но тут ее соблазнитель говорит: «Стоп!»

Генерал Керн все еще надеялся восстановить мир в семье и — надо отдать должное его великодушию — готов был простить Анне Петровне ее прегрешения. Однако все попытка Ермолая Федоровича обуздать и вернуть на путь добродетели неверную жену она решительно отменяла. Предаться наслаждениям (со свежими юношами было, конечно, несравненно приятней, чем с законным супругом, которому давно перестало быть в радость).

Неувядаемость ее завидных чувств, которые никогда не стареют, отметил в своем дневнике за 1830 год Алексей Вульф. Он в то время уже находился на военной службе, и Анна Петровна сообщила ему в письме в июле, что чрезвычайно счастлива, поскольку страстно любит одного молодого человека и им также любима. В октябре она пишет Вульфу о том же, «и, вдохновленная своей страстью, велит мне благословить перед святынею любви». Главное слово сказано: ее святыня — любовь. И уже на склоне лет, подводя итоги прожитому, она могла с полным правом говорить о себе, как о женщине, которая презирает все гадкое и грязное, не способна ни на что низкое и отвратительное, не понимает подкупности и мелкого расчета.

В начале 30-х годов Анна, по ее словам, была ввергнута в нищету. Она осталась без гроша по благородству своей натуры и доверчивости. Еще в молодости выняла просьбе отца заложить доставшиеся ей в приданое две деревни ради воспитания младших детей. Отец тут же о детях забывает, а на полученные деньги завел

несколько фабрик и вскоре вылетел в трубу, и Анна осталась ни с чем.

Оскорбленный изменами жены Ермолай Федорович отказал ей в содержании, требуя возвращения и покаяния. Так что положение ее было хуже некуда.

И тем не менее Анна Керн вспоминала эти годы как самую счастливую пору своей жизни — несмотря на унижение бедностью, на презрение света, по приговору которого она «на честь утратила права».

«Совершенно преступная связь»

Анна Петровна попыталась было зарабатывать на жизнь литературным трудом — переводами французских романов — и просила Пушкина посодействовать их публикации. Но Александр Сергеевич не очень-то верил в ее таланты на этом поприще.

И тогда в августе 1836 года Анна Петровна хватается за последнюю надежду; обращается за материальной помощью к самому императору: «Отчаянное, безалаберное, ясное и нескончаемая нужда повергают меня к стопам Вашего Императорского Величества». Николай I дал ей краткую аудиенцию в присутствии преобразилась в безупречную праведницу.

Да, но опять же пришла она к этому отнюдь не праведным путем, а, по понятиям Ермолая Федоровича да и всего приличного общества, через «совершенно преступную связь». И случилось это так.

В 1834 году в первый кадетский корпус в Петербурге был определен ее 14-летний троюродный брат Саша Марков-Виноградский. Анна Петровна иногда по-родственному его

навещала, а в 1837 году, когда умерла Сашина мать, постаралась ее заменить: утешала, опекала, брала к себе на каникулы.

Как считают биографы Анны Керн, юноша без памяти влюбился в свою моложавую и по-прежнему неотразимо привлекательную кузину. Однако если учесть, что левинному Саше было всего 17 лет, а тридцатилетняя Анна Петровна имела богатейший любовный опыт и увлекалась, как правило, молоденькими, все случилось, безусловно, по воле мадам Керн, которой не стоило особого труда соблазнить статного симпатичного юношу.

В 1840 году Александр Марков-Виноградский можно было поздравлять не только с окончанием кадетского корпуса, но и с рождением сына, которого назвали тоже Сашей.

Вскоре при содействии Михаила Ивановича Глинки удалось Анне выхлопотать солидную пенсию вдовы-генеральши. Теперь до конца дней Анна Петровна, казалось бы, могла жить в полном достатке.

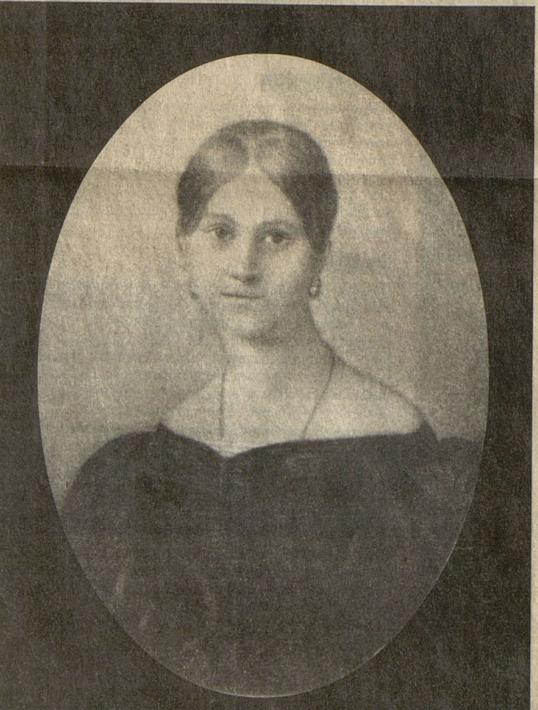
В июле 1842 года Анна Петровна и Александр Васильевич обвенчались. Бывшая Керн стала именоваться Марковой-Виноградской и, естественно, утратила права на генеральскую пенсию. В утешение она могла гордиться тем, что ее новый муж, любимый и любящий, на 55 лет моложе первого!

Венная бедность, видимо, была Анне Петровне написана на роду. Муж ее не сделал карьеры ни на военной, ни на гражданской службе. В 45 лет он окончательный вышел в отставку. Супруги существовали на его мизерную пенсию. Своего угла не имели и вечно скитались по именным состоятельным родственникам. Но при этом живо интересовались новинками литературы и общественными событиями. Анна Петровна к тому же было что вспомнить: в конце 50-х годов она создала замечательные мемуары о Пушкине, Дельвиге, Глинке...

Несмотря на внушительную разницу в возрасте, супруги прожили жизнь в любви и полном согласии. Александр Васильевич скончался в начале 1879 года в имени Бакуниных Прямухиных, а спустя несколько месяцев в Москве отдала Богу свою грешную и святую душу Анна Петровна.

В свое время был в моде рассказ, будто гроб с ее телом повстречался с памятником Пушкину, который везли, чтобы установить на Страстной площади. Но это всего лишь красивая выдумка. Если и встретились снова Александр Пушкин и Анна Керн, то только в ином мире.

Ким КАРПОВ

Миниатюра неизвестного художника (20-е годы XIX в.) — единственный портрет Анны Керн. Нам остается верить на слово ее современникам, что это была женщина поразительной красоты.

Трушкин А.С.

14.11.98